

ПОИСКИ И НАХОДКИ

И.И.МУЛЛОНЕН

КИВОЯ И КИВРУЧЕЙ: ДВЕ АДАПТАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
В ТОПОНИМИИ ПРИСВИРЬЯ

Территория Карелии, особенно в рамках бывшей Олонецкой губернии, дает уникальные возможности для изучения прибалтийско-финско-русских контактов и их последствий в топонимии. В данном регионе представлены разные хронологические этапы этих контактов, начиная с последних веков I тыс. н.э. и вплоть до настоящего времени. Необходимо, однако, признать, что на сегодняшний день исследование этой проблемы ограничивается некоторыми общими замечаниями о наличии прибалтийского-финского субстрата в русской топонимии Карелии и выявлением некоторых адаптационных моделей. Для такого положения есть объективные причины. Одна из них заключается в том, что до недавнего времени отсутствовали исследования по прибалтийско-финской (карельской, вепсской) топонимии Карелии, не было, если не считать нескольких отдельных статей, 1 специальных обобщающих работ по русской топонимии Северо-Запада России. Наконец, не был накоплен и непосредственный полевой топонимный материал. В последние годы ситуация изменилась. Появились два специальных монографических исследования по прибалтийско-финской топонимии Карелии (Мамонтова 1982, Муллонен 1994). По-прежнему ощущается нехватка работ по русской топонимии бывших Новгородских земель, хотя здесь наметились сдвиги (Попов 1981, Агеева 1989). Однако самое существенное достижение последних 15-20 лет в том, что в топонимических картотеках Института языка, литературы и истории (Петрозаводск) и Петербургского университета удалось накопить достаточно богатый топонимический материал. Все это представляет собой реальную базу для исследований в области контактирования.

На основе анализа одной топонимной модели нами предлагаются некоторые наблюдения над механизмом контактирования разных топосистем, причины появления определенных моделей адаптации, а также возможные этноисторические выводы. Материал для наблюдений почерпнут из подготовленного автором статьи совместно с профессором Петербургского университета А.С.Гердом свода гидронимов (Гидронимия бассейна реки Свири - далее ГБС), в котором в гидрографическом порядке от верховий к низовьям - приводятся названия всех водных объектов Присвирья. Объем каталога - около 10 тыс. гидронимов. Присвирье - благодатная территория для исследования проблем контактирования, поскольку в этом регионе проживает вепсское, русское и карельское население, и прибалтийско-финско-русские контакты имеют здесь глубокую историю, корни которой уходят к рубежу I-II тыс. н.э.

Предмет нашего исследования - адаптация русскими говорами Присвирья прибалтийско-финских (прежде всего вепсских) названий ручьев типа *Kivoja, Vehkoja, Matkoja, Lepoja* и т.д., т.е. модели с детерминантом *-oja* 'ручей'. Материалы ГБС свидетельствуют о том, что усвоение этой модели русскими Присвирья происходило двояким образом. В одном случае вепсский детерминант (*-oja*) сохраняется и передается целой серией фонетических вариантов: *-ой, -ое, -оя, -уй, -ай, -ая, -ей, -ея, -ий, -ия* (*Кивоя, Вехкой, Маткуй, Кузей, Лепое*). Для удобства восприятия материала есть смысл объединить все указанные варианты под одним условным типом на *-оя*. В другом случае выступают полукальки, возникшие в результате перевода на русский язык географического термина *-oja*, входившего в состав прибалтийско-финского гидронима (*Кивручей, Вехкручей, Маткручей, Кузручей, Лепручей*), - тип (или модель) на *-ручей*. При этом ареалы двух отмеченных адаптационных моделей строго разграничены. Первая господствует в юго-западном и южном Присвирье, объединяющем весь бассейн Паши, нижнее и частично среднее Приоутье, а также южный берег Свири от низовий приблизительно до устья Важинки (модель *-оя* слабо представлена в северном Посвирье, где в русской гидронимии

----- 1

1 - границы распространения моделей
-ручей и -оа (-оа, -уя, -уй)

доминирует другой тип **адаптации** -ручей). Модель -ручей, напротив, распространена в северо-восточном Присвирье, т.е. в верхнем участке бассейна Свири и на верхней Ояти с притоками (см. карта-схему). **Граница** распространения этих двух типов адаптации, **разделяющая** Присвирье с севера на юг, вырисовывается достаточно четко. Она проходит между верховьями южных притоков Свири - рек Яндебы и Шакшозерки - и далее между северными притоками р.Ояти, Шапшой и Кузрой, а от Ояти поворачивает резко на юго-восток и идет между ее южными притоками - Тянукой и Ащиной, с одной стороны, и Верхней и Нижней Курбой - с другой, уходя затем далее на восток, где разделяет верховья рек Ояти и Капши. Примечательно, что в районе Свири граница этих двух ареалов совпадает с границей Ладого-Тихвинской и Онежской групп русских говоров.

Каковы же причины того, что один прибалтийско-финский оригинал передается по-русски на разных участках Присвирья по-разному?

Каждый из отмеченных в Присвирье ареалов (-оа и -ручей) входит составной частью в более обширный ареал. Тип -оа представлен за юго-западными пределами бассейна Свири, на реках Сяси и Тихвинке (ср. руч. *Вехтуй, Палуй, Ругуй, Койгуй*, речка *Толая*), а также в качестве единичных вкраплений и юго-западнее, в восточном Поволжье. Конечно, на фоне Присвирья, где названия на -оа носят массовый характер, топонимы этого типа в Поволжье достаточно скудны, что, однако, не препятствует установлению единого ареала. Заметим, что второй тип усвоения (-ручей) абсолютно не известен в восточном Поволжье.

Ареал распространения модели -ручей тоже не ограничивается Присвирьем, а выходит далеко за **восточные** пределы Свири, в Обонежье, и в Архангельскую область, в район р.Двины. Известно, к примеру, что на р.Онеге "русское слово ручей господствует в полукальках и почти везде вытеснило соответствующий прибалтийско-финский детерминатив -оа" (Матвеев 1989:80).

Вероятно, проходящая по Присвирью граница двух **адаптации-**

оинных **моделей** из местной, присвирской, **превращается** в более значительную, более **масштабную**, что, **естественно**, повышает интерес и к ней, и к причинам ее образования.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание полагать, что модель -оя сформировалась за пределами Присвирья, условно - в **Поволховье**, в результате славянского освоения прибалтийско-финской топонимии, а в юго-западное Присвирье она была привнесена в качестве готовой модели для **славянизации** вепсской **гидронимии** на **-оја**: *Kivoja* > *Кивоя*. По мере расширения территории русского освоения в **Присвирье** расширялся и ареал **адапционной** модели на -оя. Он охватил весь бассейн Паши, откуда, видимо, распространился на север, на низовья Ояти и Свири. Паша в районе бывшего Кожельского погоста и Свирь в районе Важин и Подпорожья - это соответственно крайняя южная и северная точки ареала -оя в Присвирье. Однако внутри ареала русская топонимия на -оя разного возраста. Приток русских **переселенцев** в юго-восточное Приладожье зафиксирован, по археологическим материалам, уже на рубеже I-II тыс. н.э. (Кочкуркина 1973:67-78). Следовательно, в местах скопления курганов со славянскими элементами и в районе древних погостов топонимия на -оя, достаточно древняя. В то же время в окрестностях отдельных деревень на Свирско-Оятском водоразделе, население которых было вепским еще в конце прошлого-начале этого столетия и даже позже (ср. дер. Печенины, **Руссконицы**, Шапша, где записаны **образцы** вепсской речи в первой половине нашего столетия), топонимия на -оя стала фактом русской речи совсем недавно. Такие широкие хронологические рамки свидетельствуют о том, что **адапционная** модель на -оя с глубокими историческими корнями была в Присвирье продуктивной на **протяжении** длительного времени и служила своего рода препятствием для проникновения другой модели - полукальки с детерминантом -ручей.

Показательно, что в **Посвирье** (т.е. по р. Свирь) **граница** распространения **модели** на **-оя** совпадает с границей **Ладого-Тихвинской** группы русских **говоров** в южном и восточном Приладожье. Отличительные особенности этой группы говоров **"являются** прямым и непосредственным продолжением процессов, **начавшихся** еще в **новгородском диалекте"** (Образование...

1970:238). Можно полагать, что среди диалектных признаков, привнесенных с новгородской прародины, была и модель адаптации на -оя.

При этом в **размещении** фонетических вариантов, **отражающих** прибалтийско-финское **-оја**, наблюдается определенная закономерность: вариант -уй преобладает в западном Присвирье - на большей части Паши и в нижнем течении **Капши**, модель на -ое господствует на Ояти и Свирско-Оятском водоразделе, а в верховьях Капши и Паши бытуют варианты с конечным -я: -оя, **-ая**, -уя (см. карту). Единый ареал, таким образом, разделен **внутренними** границами, которые совпадают с границами историко-культурных зон, выделяемых на основе широких лингвистических и **археологических данных** (Герд 1994), и являются свидетельством неоднородности **ареала** распространения типа -оя. Вариант -уй объединяет западное Присвирье в один ареал с **Сясью**, Тихвинкой и, видимо, в целом с восточным Поволховьем. К сожалению, отсутствие полноценного топонимического материала по восточному **Поволховью** не дает возможности точнее определить южные и юго-западные границы ареала на -уй. Вариант -ое представлен в регионе, где и сейчас есть вепское население, а в относительно недавнем прошлом (рубеж **XIX-XX** столетий), как явствует из данных письменных источников разного рода, оно составляло значительную часть населения этой территории. Вероятно, на формировании модели -ое сказалось длительное влияние живой вепсской модели на **-оја**. Видимо, та же причина объясняет наличие модели с конечным -я в верховьях Паши и Капши. В формировании данных фонетических вариантов не все ясно, однако несомненно, что это результат важных исторических **процессов**.

Если тип -оя возник как **адапционная модель** предположительно за пределами Присвирья, то тип -ручей является, очевидно, присвирской инновацией. Ведь именно на Свири, в среднем течении реки, проходит западная граница обширного ареала распространения этой модели. А поскольку славянизация Российского Северо-Запада шла **преимущественно** с запада на восток, то логично предполагать местное, а не привнесенное про-

исхождение указанного типа топонимной **адаптации**.

Чем же вызвано резкое изменение модели усвоения и почему оно произошло именно здесь, в среднем Посвирье? Не менее любопытно установить и то, когда, на каком этапе русского освоения данной территории это произошло. Начнем с ответа на последние два вопроса. Известно, что на рубеже I-II тыс. **н.э.** Свирь была крупной и активно использовавшейся торговой магистралью. Однако, судя по археологическим материалам, древнерусское освоение Свири ограничивалось первыми речными порогами, которые располагались в среднем течении реки. Именно здесь, на восточной границе освоенного участка Свири, в районе бывших Пиркинского и Важенского погостов, **существовала** перевалочная база пушной и серебряной торговли. В конце XI века эта торговая "**фактория**" и вся система торговых связей с Прионежьем **прекращает** свое функционирование, что обусловлено общей дестабилизацией обстановки в регионе, вызванной переходом ладожского наместничества великих князей киевских и тяготевших к нему **приладожских** земель под эгиду новгородских князей. После этого почти на полтора-два столетия освоение новых территорий в Посвирье приостанавливается. Археологические данные свидетельствуют о том, что заселение верхнего течения Свири и районов Прионежья произошло в XIII, а возможно, и в **XIV-XV** вв., в эпоху расцвета Новгородского государства (Витов, Власова 1974, Спиридонов 1989).

Приведенные исторические сюжеты, **вероятно**, объясняют подоплеку происходивших в Посвирье языковых процессов. Они, в частности, дают основание возводить два типа адаптации (-оя и -ручей) к разному времени древнерусского освоения этих территорий. Первый тип (**-оя**) относится к более раннему этапу колонизации, второй тип (**-ручей**) по своим истокам - более поздний. При этом заметим, что устанавливаемая археологами **граница** двух этапов древнерусского освоения Посвирья совпадает географически с диалектной границей, разделяющей **Ладого-Тихвинскую** и Онежскую группы говоров. И та и другая

проходят в среднем течении Свири, выше впадения реки Важинки*.

Несколько слов в пояснение ареала модели -ручей в Присвирье. Помимо верхней Свири, она представлена также на ее северных притоках. Тип -оя малопродуктивен в северном Присвирье, ограничиваясь узкой полосой вдоль северного берега Свири, что подтверждает, видимо, достаточно позднее вхождение этой территории в ареал русского освоения. Южная граница распространения модели на -ручей в Присвирье проходит в верхнем течении Ояты. При этом в нижнем и среднем течении реки господствует адаптационный тип -оя. Верхняя Оять - преимущественно **вепсская** территория. В вепском окружении на верхней Ояты существует практически только одно достаточно крупное русское поселение - село Винницы (бывший Веницкий погост). Русские деревни располагаются лишь к северу от Ояты, на Свирско-Оятском водоразделе. Такая ареальная характеристика дает основание предполагать, что русское влияние распространялось не по Ояты, а с севера, по Свири, тем более что Оять в верхнем течении связана водно-волоковым путем че-

* Граница по среднему течению Свири известна не только как граница русского освоения. По свидетельству археологов, она является **западной границей** древней волго-окской археологической культуры (Герд, Лебедев 1991, карта на с.74), а также единственным на собственно Свири участком, где представлена **приладожская курганная культура X-XI вв.** (Спиридонов 1989). С точки зрения топонимных ареалов любопытно, что к среднему Посвирью привязывается северная граница распространения древней прибалтийско-финской **ойконимной -1-й модели** (Муллонен 1994:126). Видимо, граница русских говоров, проходящая в среднем Посвирье, в действительности имеет более глубокие, чем древнерусское освоение, **истоки, т.е.** древнерусская колонизация накладывалась на наметившиеся уже в раннюю эпоху границы. Это, очевидно, дало **А.С.Герду** основание связывать два типа русских говоров, представленных в Посвирье, с разными типами прибалтийско-финского субстрата (Герд 1984).

рез р.Шокшу, систему озер, р.Веранду и оз.Юковское со Сви-
рюю. Подтверждением реального использования русским населе-
нием этой водной дороги служит местное название *Волок* ("де-
ревня Ивашково на **Волоке**"), зафиксированное писцовыми кни-
гами XVI в. в верховьях р.Шокши (ПК 1993:331). Винницы, сле-
довательно, - своеобразная конечная южная точка отмеченного
русского проникновения со Свири через Свирско-Оятский водо-
раздел на Оять. Данный факт объясняет наличие модели на -ру-
чей в верховьях Ояти. Она появилась здесь, очевидно, с верх-
ней Свири. Будучи вначале представленной на узком участке
Приоятья, модель со временем распространилась на все верхнее
течение реки, заменяя по мере обрусения вепсского населе-
ния вепсский оригинал на **-оја** (вепс. *Kimoja* > рус. *Килмручей*)
или выступая в качестве **официальных** русскоязычных соответст-
вий вепсских гидронимов!

Район сел Ярославичи - **Надпорожье** (вепсская территория),
расположенных в среднем течении Ояти, стал местом, где две
адаптационные модели топонимов: на -оя, распространяющаяся
вверх **по** реке, и на -ручей, продвигающаяся из Винниц вниз по
реке, - соприкоснулись. Любопытно, что именно здесь располо-
жена **целая** серия достаточно крупных порогов, которые, воз-
можно, послужили в свое время препятствием для древнерусско-
го освоения верховий Ояти и, как следствие, для проникнове-
ния туда модели -оя. То, что в месте соприкосновения двух

* Согласно данным диалектной карты, Винницы входят в ареал
Ладого-Тихвинской, а не Онежской группы говоров, что вступа-
ет в некоторое противоречие с нашими выводами о связи русс-
кого населения села Винницы с верхней Свирью, включенной в
ареал Онежской группы говоров. Как его разрешить? Во-первых,
не исключено, что в результате контактов со смежными Ладого-
Тихвинскими говорами говоры села Винницы и расположенных се-
вернее, в бассейне р.Шокшы, русских поселений могли приобре-
сти определенные ладого-тихвинские особенности. Не исключено,
однако, и то, что диалектная граница на данном участке Прио-
ятья - территории с преобладающим вепсским населением - про-
ведена условно (разделяет бассейны Свири и Ояти), а выявлен-
ная нами топонимная граница уточняет диалектную.

типов адаптации вепсской **гидронимии** с детерминантом **-оја**
проходит современная административная **граница**, также имеет,
видимо, глубокий исторический подтекст.

Граница двух адаптационных топонимных моделей, проходя-
щая в Присвирье, - видимо, результат двух разных этапов
древнерусского освоения этого региона и восходит к XIII-XIV
вв. Остается, однако, еще один немаловажный вопрос, требую-
щий разъяснения: почему первоначальная модель с -оя потеряла
свою продуктивность на вновь осваиваемых территориях? Какие
этноязыковые факты стоят за этой сменой и как они сказались
на изменении механизма адаптации?

Причина, по-видимому, состоит в том, что две отмеченные
адаптационные модели складывались в разной языковой ситуа-
ции. Именно складывались, а не **существовали** уже в качестве
готового типа. Первый тип (**-оя**) родился в условиях господст-
ва славянского населения и славянской языковой среды, сло-
жившейся в результате плотного, массивированного заселения
славянами новгородской прародины и ассимиляции местного
прибалтийско-финского населения. Не исключено, что данный
тип поддерживался в какой-то степени русской моделью прила-
гательных на -ой, столь характерной для наименований ручьев:
ср. руч. *Глухой, Большой, Глубокий, Каменный, Еловый* (в нов-
городской диалектной интерпретации *Глубокой, Каменной, Ело-
вой*). В Присвирье, во всяком случае на основном участке,
языковая ситуация, как отмечалось, изменилась, однако ко
времени проникновения сюда новгородцев, вероятно, уже сложи-
лась древнерусская модель адаптации названий на **-оја** как тип
-оя (и соответствующие фонетические варианты), которая и бы-
ла использована в западном Присвирье.

Кстати, названия на -оя - не единственный пример фонети-
ческого усвоения нерусских местных топонимов, известный на
новгородской прародине. Этот способ был в определенной сте-
пени свойствен и лимнонимам, т.е. названиям озер. По мне-
нию исследователей топонимии Русского Северо-Запада (южных
новгородских пятин - **Бежецкой, Деревской, Шелонской** - и от-
части Псковских земель), конечные элементы в названиях озер

Селигер, Лудорь, Пудоро, Сяберо, Уверь, Ильмерь (древнее название озера *Ильмень*) и некоторых других восходят к прибалтийско-финскому **-järv(i)/därv(i)** 'озеро' (Попов 1981, Агеева 1989). Однако в отличие от модели на -оя, ставшей в Присвирье продуктивной и явившейся образцом для усвоения присвирской гидронимии, отмеченный лимнонимный тип не превратился в продуктивную модель. Возможно, сказалась относительная малочисленность озер в Поволховье. Не исключено, что это результат отсутствия такой **мошной** поддержки со стороны русского языка, которая имела у типа на -оя в виде **славянских** гидронимов-прилагательных на -ой.

Очевидно, не будет слишком далеким от истины предположение о заимствованном характере отмеченных новгородских названий озер, во всяком случае тех из них, которые явно не образуют каких-то ареальных скоплений. То есть по механизму возникновения они могут быть результатом заимствования русским языком отдельных прибалтийско-финских лимнонимов, без осознания сложной структуры воспринятого **прибалтийско-финского** оригинала. Совсем иной тип лимнонимов встречается в Присвирье. Здесь господствуют полукальки с переведенным детерминантом -озеро (*Сяргозеро, Маткозеро, Кайдозеро* и т.д.). Бассейн Свири, а точнее его юго-западная граница, является одновременно **юго-западной** границей распространения этой чрезвычайно продуктивной и широко представленной на Российском Севере модели. Механизм ее возникновения, видимо, такой же, как у **полукалек** с основным элементом -ручей (см. ниже).

Обратимся вновь к интересующим нас адапционным моделям **-оя** • -ручей. Полукалька с детерминантом -ручей (*Кивручей, Койаручей, Маткручей*) представлена на верхней Свири и в Прионежье. Здесь **распространение** новгородского влияния не означало **коренного** изменения этнического состава населения (Витов 1962:45, Насонов 1951:94). Модель сложилась, **по-видимому**, в результате **двуязычия**, овладения русским языком **местным прибалтийско-финским** населением. Ее **существование** в свою очередь было в значительной **степени спровоцировано** и **поддерживалось** **двухчастной прибалтийско-финской топонимной** моделью (*Kiv/oja, Matk/oja, Koi/oja*).

К такому же выводу приходит на основе анализа многочисленных типов полукалек в топонимии Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Ленинградская области, русские районы Карелии) исследовательница из Екатеринбурга **М.Л. Гусельникова**: "полукальки появляются в условиях прибалтийско-финско-саамско-русского двуязычия и постепенного обрусения финно-угорского населения. Граница распространения севернорусских полукалек совпадает с установленной по историческим и **этнографическим** свидетельствам зоной распространения новгородского потока колонизации, для которого характерны феодальные захваты обширной территории, сопровождающиеся длительной ассимиляцией местного населения (Гусельникова 1994:12).

Дополнительное условие, способствовавшее появлению полукалек, - **видимо**, принципиальная возможность образования топонимов по типу словосложения и соположения в русской топонимии, ср. *Новгород, Княжостров, Белоозеро, Царьград* и др. (Подольская 1983). Впрочем, роль этой модели в **образовании** севернорусских полукалек не следует преувеличивать. Хотя она и была известна древнерусскому топонимообразованию, особой продуктивностью все-таки не отличалась. Образования типа **"комполита"** и **"юксполита"** здесь достаточно редки и имеют подчас **окациональный** характер. К тому же, судя по материалам, которыми оперирует Н.В. Подольская, большинство примеров относится к новгородским письменным памятникам, что дает возможность предполагать влияние древней прибалтийско-финской языковой среды на возникновение как отдельных топонимов, так и, не исключено, на отдельные топонимные **модели**.

В результате анализа двух русских адапционных топонимных моделей можно сделать вывод о том, что они сформировались, видимо, в разное время и, что не менее **существенно**, в разной языковой **ситуации**. Первая (на -оя) родилась, вероятно, в условиях **преобладающего** влияния русского языка, даже первоначально как результат заимствования топонимов русским языком из языка местного **прибалтийско-финского** населения. В ходе русской колонизации северо-востока, Сяси и Тихвинки, и далее Присвирья **этноязыковая** ситуация, **очевидно**, меняется.

Растет роль прибалтийско-финского компонента, который постепенно становится **преобладающим**. Однако тип усвоения, привнесенный древними **новгородцами** из мест прежнего освоения, **продолжает** функционировать в качестве готовой модели и, возможно, маркирует территорию, попавшую в сферу древнерусской колонизации в эпоху Киевской Руси, до XII в. Вторая модель **(-ручей) возникла**, по-видимому, в результате обрусения местного **вепского** населения. Ее появление на Свири относится к новгородской эпохе истории Российского Севера.

Агеева 1989 - Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.

Витов 1962 - Витов М.В. Историко-географические очерки **Заонежья XVI-XVII** вв.: Из истории сельских поселений. М.

Витов, Власова 1974 - Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в **XVI-XVIII** вв. М.

Герд 1984 - Герд А.С. К истории образования говоров **Посвирья** // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л. С.134-180.

Герд 1994 - Герд А.С. К исторической географии Приладожья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб. С.32-35.

Герд, Лебедев 1991 - Герд А.С., Лебедев Г.С. **Экспликация** историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Советская этнография. N1. С.73-85.

Гусельникова 1994 - Гусельникова М.Л. Полукальки в топонимии Русского Севера. АКД. Екатеринбург.

Кочуркина 1973 - Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье » **X-XIII** вв. Л.

Мамонтова 1982 - Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микропонимии **ливвиковского** ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск.

Матвеев 1989 - Матвеев А.К. Субстратная микропонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. N1. С.77-85.

Муллонен 1994 - Муллонен И. Очерки вепской топонимии. СПб.

Насонов 1951 - Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М.

Образование... 1970 - Образование севернорусского **наречия** и среднерусских **говоров** (по материалам лингвистической географии). М.

ПК 1993 * Писцовая книга Заонежской половины **Обонежской** пятини 1582/83 г.: **Заонежские погосты** // История Карелии **XVI-XVIII** вв. в документах. III. Петрозаводск - Йоэнсуу.

Подольская 1983 - Подольская Н.В. Типовые восточнославянские **топоосновы**: Словообразовательный анализ. М.

Попов 1981 - Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.

Спиридонов 1989 - Спиридонов А.М. К истории **Посвирья**: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск. С.146-159.